

Юрий Грач

СОЮЗ. Закат

Юрий Грач
СОЮЗ. Закат

«Автор»

2026

Грач Ю.

СОЮЗ. Закат / Ю. Грач — «Автор», 2026

В опустошённом техногенным кризисом городе, опутанном сетью аномалий, каждый рассвет — уже победа. Валентин, выживающий в заброшенной пятиэтажке, прячется от чудовищ, пришедших сквозь порталы: они почти слепы, но безошибочно чувствуют жертву по звуку и запаху, а в их водянистых чёрных глазах застыли мука и ярость. Единственная его опора и защита — умная дворняга Найда. Перед ним — мрачный лабиринт полуразрушенного города, где реальность истончилась, а опасность поджидает за каждым углом. И теперь от его осторожности, смекалки и верности Найды зависит не только собственная жизнь, но и шанс вернуть в свою жизнь хоть крупицу порядка.

© Грач Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Юрий Грач

СОЮЗ. Закат

Глава

Валентин сидел на полу в ванной, прислонившись спиной к холодной эмалированной стенке. Здесь было тише, чем в комнатах — две двери, пусть и хлипкие, всё же гасили звуки снаружи. На улице ветер гулял по пустым дворам, шуршал обрывками бумаг, стучал незакрытой ставней где-то этажом выше. Обычный городской шум, только теперь он звучал как угроза.

Рядом, прижавшись боком к его бедру, лежала Найда — дворняга неопределённого окраса, в котором угадывались и рыжий, и серый, и чёрный. Умная, осторожная, она почти не дышала, будто знала: любой лишний звук может стать приглашением для тех, кто бродит по лестничным клеткам.

В руках у Валентина был планшет — старый, потрёпанный, с треснувшим стеклом, но рабочий. Он заряжал его от портативной батареи, которую берег как зеницу ока. Экран светился тускло — Валентин выкрутил яркость на минимум, чтобы свет не пробивался под дверь.

Он листал ленту выживших — не официальные сводки (их не было уже давно), а то, что люди передавали друг другу по закрытым каналам, через ретрансляторы, которые ещё коегде держались.

«В районе ТЭЦ видели стаю. Они не бегут — идут медленно, будто прислушиваются. Если зашумишь — поворачиваются всей группой. Глаза у них как будто в них что-то плавится».

«На проспекте Мира портал открылся прямо на дороге. Из него вышло не существо, а искажение. Воздух там дрожит, и если подойти ближе — начинает болеть голова. Не подходите».

«Ктонибудь знает, почему у них глаза такие? Это инфекция? Или что-то из того мира? Если это инфекция — значит, есть шанс вылечить. Если нет тогда мы просто добыча».

Валентин провёл пальцем по экрану, закрывая сообщение. В груди неприятно сжималось. «Шанс вылечить» — это была надежда, за которую цеплялись те, кто ещё не сдался. Но Валентин видел достаточно, чтобы понимать: это не болезнь, которую можно убить антибиотиком. Это проникновение. Как ржавчина, которая въедается в металл и меняет саму его структуру.

Найда тихо фыркнула, принялась, подняла голову. Её уши встали торчком, а шерсть на загривке слегка приподнялась. Валентин замер, перестал дышать.

Снизу, с лестничной площадки, донёсся звук — не скрип, не шорох, а что-то среднее между вздохом и стоном. Будто кто-то огромный и неуклюжий пытался двигаться бесшумно, но не умел.

«Они плохо видят, — напомнил себе Валентин, — ориентируются на звук и запах».

Он медленно, миллиметр за миллиметром, опустил планшет на пол экраном вниз. Найда не шевельнулась, но её глаза — живые, тёплые, человеческие в этом чужом мире — смотрели на него, будто спрашивали: «Что делать?»

— Тихо, девочка, — прошептал он одними губами. — Просто тихо.

Звук повторился — ближе. Кто-то или что-то поднималось по лестнице. Медленно. Целеустремленно.

Валентин закрыл глаза, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Он знал эту тактику: замереть, стать частью тишины, слиться с фоном. В первые недели кризиса многие гибли, потому что пытались бежать. А те, кто замирали, иногда оставались живы.

Прошло несколько минут. Может, пять. Может, десять. Время в темноте тянулось иначе.

Наконец, звук стих. То ли существо прошло мимо, то ли остановилось где-то на пролёте выше. Валентин выдохнул, но не расслабился. Он знал: нельзя расслабляться, пока не рассветет.

Когда стрелка часов на планшете доползла до пяти утра, он осторожно потянулся, разминая затёкшие ноги. Найда тут же придвинулась ближе, будто хотела убедиться, что с ним всё в порядке.

— Скоро рассвет, — тихо сказал Валентин, скорее для себя, чем для собаки. — Днём они прячутся. Или становятся менее активными. У нас будет время.

Он снова взял планшет, включил экран — на этот раз чуть ярче. В ленте появилось новое сообщение, помеченное как «срочно»:

«Если ты читаешь это — слушай. В старом корпусе НИИ, в секторе Бета, есть бункер. Там ещё кто-то держится. Они говорят, что знают, как закрыть порталы. Или хотя бы как защитить район. Если сможешь добраться — иди. Но будь осторожен: дорога идёт мимо парка, а там там хуже всего».

Валентин вчитался в слова, потом перечитал ещё раз. «Знают, как закрыть порталы». Это звучало как сказка. Но даже если это была ложь — даже если там никого не было — это было направление. А сидеть в ванной и ждать, пока мир окончательно рухнет, он больше не мог.

Он посмотрел на Найду. Та внимательно следила за ним, будто понимала каждое слово. — Ну что, подруга, — прошептал Валентин. — Пора двигаться. Пока светло.

Он начал собирать вещи: небольшой рюкзак с самым необходимым — водой, пачкой галет, бинтом, фонариком (но использовать его только в крайнем случае). В карман куртки положил планшет. «Сайгу» он не брал — в узких подъездах от неё мало толку, а звук выстрела мог привлечь всех монстров в радиусе километра. Вместо этого он выбрал нож — тяжёлый, с удобной рукояткой, проверенный.

Перед тем как открыть дверь ванной, Валентин замер, прислушиваясь. Снаружи было тихо. Только ветер и далёкий, едва уловимый скрежет — будто металл тёрся о камень где-то далеко.

— Готова? — спросил он у Найды.

Та тихо гавкнула — один раз, коротко. Как будто ответила.

Они вышли из ванной. Квартира была такой, какой её оставили хозяева: диван, телевизор, детские рисунки на холодильнике. Будто люди просто вышли на минуту и вот-вот вернуться. Но Валентин знал — они либо ушли, либо стали теми, кто теперь бродит по улицам.

Он подошёл к входной двери, медленно, без резких движений, повернул замок. Дверь скрипнула — совсем чуть-чуть, но в тишине это прозвучало как крик.

Найда напряглась, но не издала ни звука.

Валентин приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы проскользнуть. В подъезде пахло сыростью, пылью и чем-то ещё — странным, металлическим, как будто ржавчина имела запах.

Он шагнул на лестничную клетку. Найда шла рядом, нос к полу, уши настороже.

Лестница вела вниз. Валентин знал: нужно пройти три этажа, выйти во двор, пересечь детскую площадку (она была открытой, но короткой), а потом — вдоль гаражей к дороге, которая вела к НИИ.

Первый пролёт он преодолел без проблем. Второй — тоже. На третьем он замер.

Из темноты, снизу, донёсся тихий, протяжный звук — не человеческий, но и не звериный. Что-то среднее. И рядом с ним — шорох. Много шорохов.

Они были внизу. Ждали.

Валентин отступил назад, прижался к стене. Найда тихо зарычала — не громко, но достаточно, чтобы он понял: опасность рядом.

И тут он заметил на стене, рядом с почтовыми ящиками, старую схему эвакуации. И на ней — красную пометку, сделанную маркером: «**ЧЕРЕЗ КРЫШУ**».

Сердце забилося быстрее. Крыша. Да, там было опасно — ветер, скользкие плиты, и неизвестно, что могло ждать наверху. Но внизу внизу точно была смерть.

— Наверх, Найда, — прошептал он. — Быстро и тихо.

Они поднялись на последний этаж, к двери, ведущей на чердак. Замок был сломан — кто-то уже пользовался этим путём. Валентин толкнул дверь, она со скрипом приоткрылась.

Темнота. Холодный воздух. И запах — не такой, как внизу. Свежий. Почти чистый.

Валентин шагнул вперёд. Найда — за ним.

Дверь за ними закрылась, отрезая звуки снизу. На мгновение стало легче.

Но Валентин знал: это только начало пути. Впереди был город, полный теней, порталов и существ с водянистыми чёрными глазами, в которых отражалась боль и ярость. И ему предстояло пройти через всё это — чтобы найти бункер, найти ответы или хотя бы шанс на то, что этот кошмар можно остановить.

Дверь на крышу распахнулась с таким скрипом, что у Валентина сердце ухнуло куда-то в пятки. Он замер на пороге, прикрывая спиной проём, чтобы Найда могла проскользнуть следом. Ветер тут же набросился на них — холодный, резкий, пахнущий гарью и чем-то чужим, нездешним.

Крыша была плоской, бетонной, местами потрескавшейся, с ржавыми ограждениями по краям. И с неё открывался вид, от которого хотелось зажмуриться и забыть, что ты вообще сюда поднимался.

Город лежал внизу, как мёртвая карта. В разных точках района темнели порталы — не дыры в пространстве, а скорее сгустки тьмы, которые не отражали свет, а поглощали его. Они висели над улицами, над крышами, над парком, будто чёрные кляксы на сером листе. От некоторых тянулись тонкие нити тумана — того самого, что прятал в себе опасность. Вдали поднимались столбы дыма: где-то горели дома, где-то, может, взрывались остатки топлива на заброшенных заправках. А где-то совсем далеко, почти на границе видимости, вспыхивали редкие выстрелы — как слабые попытки мира сказать: «Мы ещё здесь».

Валентин присел на корточки, стараясь стать меньше, незаметнее. Найда прижалась к его боку, её шерсть стояла дыбом. Она не рычала — знала, что рык может выдать. Но её тело было натянуто, как струна.

Он уже хотел было кивнуть в сторону дальнего края крыши — там виднелся переход на соседний дом, более низкий, и оттуда можно было спуститься во двор, который казался пустым, — как вдруг Найда дёрнулась. Её нос дёрнулся, уши встали торчком, а из груди вырвался короткий, сдавленный звук — не лай, а предупреждение.

Валентин медленно повернул голову.

В центре крыши, прямо возле старой вентиляционной шахты, было то, что он сначала принял за груды тряпья и мусора. Но теперь он видел: это не мусор.

Это было гнездо.

Существа сидели кучно, прижавшись друг к другу, будто им было холодно. Их тела были искажены, но не до полной неузнаваемости — в них ещё угадывались человеческие очертания, только сломанные, перекрученные. Кожа казалась влажной, тусклой, будто покрытой слизью. А глаза Валентин даже не смог бы описать этот цвет. Чёрные, водянистые, с мутными разводами, они гноились, и в них действительно отражалась мука — но не человеческая, а какая-то чужая, острая, смешанная с яростью.

Их было пятеро. Или шестеро. Он не успел пересчитать.

Одно из существ вдруг подняло голову — не резко, а медленно, как будто прислушиваясь к воздуху. Его ноздри раздулись, втягивая запах. Потом оно повернулось в их сторону. Не видя — чувствуя.

«Плохо видят, ориентируются на звук и запах», — пронеслось в голове у Валентина. И они только что поднялись на крышу, хлопнув дверью.

Время будто растянулось. Валентин почувствовал, как по спине стекает капля пота, холодная, липкая. Он медленно потянулся к ножу на поясе — не чтобы напасть, а чтобы быть готовым. Но понимал: против шестерых, да ещё и рядом с порталом, нож — это просто отсрочка.

Портал был прямо за гнездом — тёмный овал, висящий в воздухе, как разрезанная ткань. Из него тянуло холодом и тишиной, которая была хуже любого крика.

Найда тихо зарычала — так тихо, что человек бы не услышал. Но эти существа слышали.

Тот, что первым повернул голову, издал звук — низкий, гортанный, похожий на стон, но в нём было что-то командное. Остальные зашевелились. Поднялись. Их движения были неуклюжими, но целеустремлёнными. Они не бежали — они шли, вытягивая шеи, втягивая воздух, поворачивая головы, как слепые псы, которые вдруг почувствовали дичь.

Один шаг. Второй.

Они приближались.

Валентин отступил на полшага, прикрывая Найду. Его пальцы крепче сжали рукоять ножа. Он знал, что сейчас нельзя бежать — бег порождает шум, а шум — это смерть. Но и стоять на месте было невозможно.

И тут он заметил сбоку, у самого края крыши, ржавую лестницу, ведущую вниз — не на улицу, а на технический балкон соседнего подъезда. Она выглядела хлипкой, местами прогнившей, но это был путь. Путь прочь от гнезда, прочь от портала, прочь от этих глаз, в которых застыла чужая ярость.

— Тихо, девочка, — прошептал он одними губами, не сводя глаз с существ. — Сейчас. Только тихо.

Он сделал шаг вбок — медленно, плавно, стараясь не отрывать подошв от бетона. Найда скользнула следом, прижавшись к полу, как тень.

Существо, которое шло впереди, снова застонало — громче. Остальные повернулись в их сторону, их головы дёргались, ловя малейшие вибрации воздуха.

Ещё шаг. Ещё.

До лестницы оставалось метра три. Два.

Рука Валентина уже тянулась к перилам, чтобы перелезть, когда одно из существ вдруг резко выбросило вперёд руку — нечеловечески длинную, с искривлёнными пальцами — и ударило по воздуху, будто пытаясь схватить запах.

И в этот момент с дальнего края крыши донёсся новый звук — не стон, не рык, а человеческий голос. Тихий, но отчётливый:

— Эй! Сюда!

Валентин дёрнулся, чуть не потеряв равновесие. На краю крыши, у парапета, стоял человек в потрёпанной куртке, с винтовкой в руках. Он не целился — он махал свободной рукой, подзывая их к себе.

— Быстрее! — прошептал он, прижимая палец к губам. — К стене! За блок!

Существа замерли. Их головы повернулись к новому звуку — и на мгновение они отвлеклись. Этого хватило.

Валентин рванулся к лестнице, не думая, не считая шагов. Найда летела рядом, почти не касаясь бетона лапами. Они перемахнули через перила, приземлились на узкий балкон, и Валентин тут же потянул за собой железную решётку, чтобы хоть как-то прикрыть их след.

С крыши донёсся новый стон — теперь уже разъярённый. Они поняли, что добыча ускользнула.

Человек на крыше махнул им ещё раз — и исчез за вентиляционным блоком.

Валентин прижался к стене балкона, чувствуя, как дрожат руки. Сердце колотилось где-то в горле, а в ушах стоял гул — не от ветра, а от адреналина.

Найда ткнулась носом ему в ладонь — коротко, пособачьи, как будто говорила: «Мы живы. Пока».

А внизу, под балконом, начинался новый путь — через дворы, мимо теней, мимо поргалов, туда, где, возможно, ещё оставалась надежда.

Валентин прижался спиной к шершавой стене балкона, чувствуя, как бетон холодит сквозь куртку. Руки всё ещё подрагивали, но хватка на ноже стала увереннее — не от злости, а от привычки держаться за что-то твёрдое, когда мир плывёт. Найда сидела рядом, прижавшись боком, и дышала ровно, будто брала ритм у него — вдох, выдох, снова вдох. Как будто говорила: «Мы справились. Пока».

С крыши доносились глухие, тяжёлые звуки — существа ворочались, скребли бетон, выдыхали этот свой низкий, гортанный стон, похожий на скрип несмазанных петель. Потом стало тише. Или ветер унёс звуки. Или они ушли.

Валентин медленно повернул голову, прислушиваясь не к шуму, а к паузам между ним. И в одной из таких пауз услышал тихий, осторожный свист — три коротких ноты, будто кто-то звал не голосом, а музыкой. Свист повторился, чуть ближе.

Он приложил палец к носу Найды — знак «тише» — и медленно, не отрывая спины от стены, двинулся вдоль балкона к углу, откуда звук казался громче. Найда шла следом, низко опустив голову, нюхая воздух.

За углом, в тени технического блока, стоял тот самый человек, что махал им с крыши. Только вблизи он выглядел совсем иначе. Не спаситель. Не боец. Просто старик, который слишком долго не сдавался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.